

Подгоняемый нетерпением Восьмого, Су Цы продолжил рассказ.

Однако на этот раз он решил не прибегать к иллюзиям, а перешел к более практическим вещам: начал знакомить детей со строением флейты, объясняя ее назначение и тонкости техники извлечения звука.

Так называемые звуковые культиваторы – это, говоря простыми словами, люди, способные управлять звуковыми волнами и использовать их для применения самых разнообразных техник.

Су Цы не собирался обучать двух маленьких детенышей с самых азов, заставляя зубрить теорию. Вместо этого он искусно вплетал приемы звукового контроля в игру, чтобы они осваивали управление звуком исподволь, почти незаметно для самих себя.

Разумеется, такой метод обучения был куда более грубым и прямолинейным, чем детальное разжевывание всех принципов, и учиться по нему было значительно сложнее.

Наверное, только дети, одаренные от природы и обладающие врожденной проницательностью в искусстве звука, могли освоить подобное за столь короткий срок.

Но, с другой стороны, если у кого-то действительно нет к этому способностей, стоит ли тратить время впустую? Не лучше ли будет поискать другой, более подходящий путь?

А если эти двое всё же смогут осознать суть процесса самостоятельно, то в практике звукового пути они, безусловно, совершат колоссальный рывок, преодолевая тысячи ли за один день.

Ну а если не получится... что ж, по крайней мере, научиться исполнять простую, приятную мелодию должно быть вполне по их силам.

Старик из секты Звука когда-то говорил, что люди, изучающие звуковые ритмы, даже не постигая глубоких законов звукового пути, способны совершенствовать характер и облагораживать чувства. Для этих двух малышек, страдающих от пагубного влияния силы

крови, такая практика была сплошной пользой без единого грамма вреда.

Вероятно, поскольку Су Цы не возлагал на них заоблачных надежд, он не испытывал психологического давления во время обучения. Благодаря этому занятия проходили легко и приятно, больше напоминая увлекательную игру.

Не говоря уже о Третьем, даже Восьмой, который по натуре был крайне подвижным и никак не мог усидеть на месте, на удивление хорошо воспринимал такие уроки.

Он наконец-то снова взял флейту в руки, но теперь, когда инструмент вернулся, восприятие этой «игрушки» претерпело кардинальные изменения.

Если раньше он стремился научиться играть на флейте в основном для того, чтобы посмеяться над Седьмым и наконец-то отыграться, то теперь в нем проснулся подлинный, искренний интерес к музыкальному инструменту.

«Это же просто полая трубка, как она вообще может издавать такие красивые звуки?» – недоумевал он.

Восьмой не мог этого понять, но это вовсе не мешало ему усердно учиться.

Жизнь в приюте для детенышей была бедна на развлечения: раньше всё ограничивалось бесконечными драками да старыми, заезженными игрушками, а теперь появилась новая, захватывающая «игра».

Пожалуй, искренний интерес – действительно лучший учитель, поэтому мальчик учился весьма неплохо и с первой же попытки сумел извлечь звук.

Конечно, это был всего лишь звук. Не говоря уже о целой мелодии, даже для того, чтобы уверенно взять одну точную ноту, требовались дальнейшие, изнурительные тренировки.

Что же касается Третьего, с которым Восьмой в одностороннем порядке продолжал находиться в ссоре... глядя на его жалкий вид – ведь мальчик совсем ничего не видел, – Восьмой в конце концов скривил губы. Вдоволь нанаблюдавшись за товарищем, он наконец соизволил сунуть

ему флейту.

Третий бережно взял инструмент, и маленькие ручки принялись осторожно ощупывать длинную трубку.

С помощью духовной силы он мог видеть лишь общие очертания предметов, но мелкие детали оставались скрытыми, поэтому ему приходилось полагаться на тактильные ощущения.

Малыш держал флейту с величайшим трепетом, внимательно ощущая прохладную гладкость, и каждое его осторожное движение было наполнено детским благоговением.

Словно он прикасался к совершенно иному, неведомому миру.

Сидевший рядом Восьмой, хоть и твердил на каждом шагу, что больше не будет с ним возиться, передав флейту, всё же не удержался и искоса, тайком наблюдал за действиями Третьего.

В конце концов он рассудил так: Третий всё равно ничего не видит, а воспитатель после всех объяснений просто ест чипсы и совершенно не обращает на них внимания, так почему бы не посмотреть открыто?

Ему до смерти хотелось увидеть, как этот маленький слепыш собирается учиться самостоятельно, без его неоценимой помощи!

Восьмой развернулся, скрестил руки на груди и с вызовом уставился на Третьего.

Видя, как мальчик медленно, отверстие за отверстием, ощупывает трубку пальцами, нетерпеливый Восьмой не выдержал и начал раздраженно постукивать указательным пальцем по руке.

«Сколько же времени это вообще займет?»

В конечном итоге Восьмой сдался, неохотно пододвинулся ближе и, ворчливо причитая, начал

объяснять малышу всё как следует. Он даже взял его маленькие руки в свои, помогая принять правильную позу и наглядно показывая, как именно нужно держать флейту.

Надо признать, маленький волчонок, когда по-настоящему сосредотачивался, оказывался довольно смышленным. Он запомнил все ключевые моменты, которые только что объяснил Су Цы, и теперь наставлял Третьего вполне по-взрослому.

Су Цы, наблюдая за этой картиной, почувствовал, что его непосредственное участие больше не требуется.

Если только ребенок не обладает поистине выдающимся талантом, освоить музыкальный инструмент за один день невозможно, так что ему незачем здесь оставаться – пусть потратят оставшееся время на самостоятельные тренировки.

А если у детей действительно обнаружится такой талант... то тем более ему не стоит здесь задерживаться.

Су Цы доел оставшиеся чипсы, небрежно убрал пустую упаковку в пространственную пуговицу и с легким сердцем поднялся, чтобы уйти.

У самой двери он заметил 4586: робот стоял, сложив механические руки на груди, а в электронных глазах светились два вращающихся красных цветочка. Он выглядел донельзя довольным и умиленным.

Узор этих вращающихся цветочков был очень похож на маленькие желтые цветы, нарисованные на его корпусе.

«Может быть, Пятый когда-то нарисовал их, глядя на узоры в глазах робота-няни?» – промелькнула мысль.

Су Цы не стал прерывать блаженство 4586. Хотя ему и казалось странным, что бездушная марионетка выражает такие человеческие эмоции, возможно, это просто стало привычкой у людей в наши дни?

В конце концов, согласно знаниям, хранящимся в голове, модели поведения роботов обычно задаются создателями заранее.

Су Цы не хотел беспокоить робота-няню, однако тот вовсе не собирался его так просто отпускать.

Когда Су Цы проходил мимо, 4586 мгновенно сбросил умиленное выражение, резко повернулся и спросил нарочито милым голосом:

– Сусу, сейчас же рабочее время, куда это ты собрался?

– В медицинский отдел очищения, – коротко ответил Су Цы на ходу и, не оглядываясь, вошел в лифт.

4586 не стал его задерживать, вероятно, решив, что он отправляется за Вторым и Четвертым.

Однако перед тем, как окончательно покинуть приют для детенышей, Су Цы решил заглянуть в общежитие.

В комнате А Янь лежал, склонившись над маленьким столиком, и старательно выводил иероглифы.

Божественные письмена, которые он писал, становились всё четче, увереннее и полнее. Самое важное заключалось в том, что по мере того, как он успешно их выводил, эти письмена постепенно обретали четкую форму в сознании.

А Янь был предельно серьезен и сосредоточен. Он совершенно не замечал, что во время письма маленькое тело окутывало едва заметное, слабое сияние.

Под этим мягким светом бледное лицо вновь обрело здоровый румянец, а пугающие красные прожилки в глазах заметно побледнели.

Всё это происходило в абсолютной, звенящей тишине.

В этот момент странные колебания, донесшиеся из спальни, прервали состояние глубокой погруженности А Яня.

Он поднял голову от тетради и растерянно огляделся по сторонам.

«Воспитатель еще не вернулся...» – А Янь разочарованно отвел взгляд, снова глядя на страницу, плотно исписанную иероглифами.

По сравнению со вчерашним днем почерк стал намного лучше! И хотя он писал больше часа, он не чувствовал ни капли усталости, а наоборот, ощущал приятный прилив сил.

«Интересно, похвалит ли его сегодня воспитатель...» – с робкой надеждой подумал А Янь, разглядывая труды.

В этот момент странная волна снова донеслась из спальни.

А Янь взглянул в ту сторону, но не стал реагировать немедленно.

Он аккуратно отложил тетрадь, метнулся к роботу-пылесосу, нажал кнопку, а когда тот начал работу, поспешно побежал в ванную.

Пижама, которую он бросил туда утром, уже высохла. Он достал одежду, с силой встряхнул ее, чтобы она стала ровной и пушистой, аккуратно сложил и положил на полку, чтобы воспитатель мог надеть ее, когда понадобится.

Пока он занимался делами, колебания из спальни стали сильнее, в них теперь отчетливо чувствовалась ярость.

«Интересно, на что на этот раз злится та книга...»

А Янь нахмурился и, убрав одежду, переместился в спальню.

Способностью к телепортации он теперь пользовался очень умело.

Оказавшись в спальне, он увидел, что книга, встроенная в стену, слабо мерцает тревожным бледно-красным светом, отчаянно пытаясь выбраться наружу.

Когда появился А Янь, рабочее руководство забило еще сильнее. Увы, как бы оно ни старалось, вырваться из стены не удавалось – стоило предпринять попытку, как на стене мгновенно возникал слой золотистого света, который надежно удерживал книгу на месте.

А Янь заворуженно уставился на рабочее руководство.

По мере того как книга билась, странная и до боли знакомая волна снова донеслась до него...

«Как странно, что это вообще такое?»

Поскольку он был недостаточно высоким, А Янь притащил стул, встал на него, поднялся на цыпочки и максимально вытянул шею, чтобы получше разглядеть книгу в стене.

«Бам-бам – бам-бам».

Рабочее руководство продолжало биться. Раньше оно плотно прилегало к стене, но теперь металл вокруг него начал деформироваться, и появились крошечные, едва заметные щели.

А Янь смотрел на него, и вблизи, глядя на этот злобный красный свет, он чувствовал, как в черно-красных глазах краснота постепенно углубляется и распространяется, а в самом сердце поднимается свирепое, холодное чувство.

«Тихо!»

А Янь внезапно протянул руку и с силой хлопнул по обложке книги.

«Тот человек не любит шума!»

Ладошка была совсем маленькой по сравнению с толстым рабочим руководством воспитателя, но после этого удара книга внезапно притихла.

Золотистый свет, сдерживавший руководство, окутал и ладонь ребенка.

Почувствовав эту успокаивающую силу, А Янь замер, и свирепое выражение на личике постепенно сменилось привычным спокойствием.

Он моргнул, недоумевая, что только что произошло, а затем заметил, что под ладонью, лежащей на обложке, пробивается слабый, призрачный свет.

Словно что-то осознав, А Янь сжал пальцы и медленно вытянул этот сгусток света из книги.

Когда свет исчез, рабочее руководство, прежде выглядевшее столь агрессивно, заметно увяло – оно стало даже тусклее, чем когда его подавлял Су Цы.

Несформированный огонь души, мерцавший в книге, казалось, вот-вот окончательно погаснет.

А Янь с любопытством разглядывал маленький светящийся комочек на ладони. Он был крошечным, бледным, чисто платинового цвета, без каких-либо примесей и того неприятного красного свечения, от которого портилось настроение.

«Что это?»

А Янь с интересом рассматривал свет, осторожно ткнул в него пальцем, а затем сжал, разделив этот маленький комочек на два – один побольше, другой поменьше.

Держа по одному комочку в каждой руке, он снова почувствовал ту самую знакомую волну, но от самого руководства она больше не исходила.



«Значит, то, что я чувствовал, на самом деле исходило от этого света?»

Размышляя об этом, А Янь наклонил голову, собираясь рассмотреть их поближе, как вдруг рабочее руководство в стене, словно в предсмертной агонии, изо всех сил задрожало.

Следом за этим оба комочка света в руках А Яня словно потянуло какой-то неведомой силой.

А Янь подсознательно попытался их удержать, но в этот момент совсем забыл, что стоит на шатком стуле.

«Бам!»

От резкого движения А Яня стул накренился, и он, потеряв равновесие, с глухим звуком рухнул на пол.

А Янь невольно охнул.

В итоге он удержал левый, более крупный комочек, а правый, размером меньше ногтя, шмыгнул обратно на обложку и мгновенно впитался в книгу.

После этого рабочее руководство окончательно притихло и больше не осмеливалось буянить.

А Янь настороженно следил за книгой. Прошло довольно много времени, но она больше не подавала никаких признаков жизни, оставаясь в стене как самая обычная, безжизненная книга.

Он потер ушибленную голову, поднялся с пола и, вспомнив о чем-то, посмотрел на левую руку.

Когда он крепко сжал тот комочек света, рука, казалось, тоже начала всасывать энергию, и как только ладонь коснулась света, тот просто впитался в кожу.

А Янь внимательно разглядывал левую руку: всё такая же худая и маленькая, кожа грубая, со следами мелких трещинок-шрамов.

Однако, не зная, показалось ли ему, он почувствовал, что шрамы стали менее заметными, а по руке разлилось приятное тепло, постепенно распространяясь по всему телу.

«Очень приятно, как будто принимаешь теплую ванну... И место, где я ушибся при падении, больше не болит?»

– А Янь?

Снаружи послышался мягкий голос юноши, и А Янь резко обернулся к двери.

Воспитатель вернулся! Он тут же забыл и о рабочем руководстве, и о странных комочках света, сделал шаг и в следующее мгновение оказался в гостиной.

А Янь посмотрел на дверь, но не увидел воспитателя. Повернув голову, он заметил юношу, который уже стоял у стола и внимательно просматривал тетрадь.

Вспомнив о случившемся, он почувствовал легкую неловкость и медленно, шаркая ножками, подошел к Су Цы.

Су Цы отложил тетрадь и посмотрел на ребенка. По сравнению с тем, каким он был, когда уходил, духовная аура малыша стала намного сильнее, и...

Он положил руку на голову ребенка, почувствовав явную разницу, а затем присел на корточки, с нескрываемым изумлением разглядывая его. Ему показалось?

А Янь как будто подрос? Су Цы присмотрелся и обнаружил, что он действительно стал чуть выше, даже широкие штанины теперь сидели на нем лучше.

Впрочем, в целом рост был незначительным, в пределах допустимой погрешности.

Под пристальным взглядом воспитателя А Янь занервничал. Пока он колебался, стоит ли рассказывать о духе книги, юноша перед ним уже поднялся.

Су Цы снова взял тетрадь, медленно листая ее:

– У тебя действительно большой талант к изучению божественных писмен. За такой короткий срок – такой поразительный прогресс.

То, что он немного подрос, скорее всего, тоже было следствием изучения писмен.

– Это очень хорошо, я с нетерпением жду твоего дальнейшего роста.

Затем Су Цы убрал тетрадь в пространственную пуговицу. Глядя на застенчивую и милую улыбку на раскрасневшемся личике А Яня, он уже хотел сказать еще пару добрых слов, как вдруг заметил банку с почвой на журнальном столике.

«Расти... расти...»

Сознание, исходящее от духовного семени, снова стало вялым. Вероятно, еще немного – и оно начнет жаловаться на голод.

Су Цы задумчиво погладил подбородок, подошел к столу и достал из пространственной пуговицы флакон с многофункциональным питательным раствором.

Хотя твердые удобрения были полезны, этот дорогой раствор тоже не стоило тратить зря.

С этой мыслью Су Цы открыл крышку, отмерил около пяти миллилитров, разбавил их водой и равномерно полил почву в банке.

Когда жидкость, смешанная с раствором, впиталась в землю...

«О-о-о-о-о!»

«Я!»

Духовное семя, которое только что было вялым, внезапно издало чрезвычайно радостный возглас – оно было явно счастливее, чем при подкормке твердым удобрением.

«Расти! Расти! Расти-расти-расти!»

«Расти! Расти! Расти-расти-расти!»

Лозунги, которые до этого звучали медленно и с трудом, теперь стали четкими, бодрыми и звонкими.

А Янь, с любопытством подошедший ближе, почувствовал искреннюю радость маленького семени и вдруг подумал, что до того момента, как оно наконец прорастет, осталось совсем недолго!

Су Цы, однако, не был так уж рад.

Хотя эффективность раствора была доказана, и доказана с лихвой, баллов на него требовалось вдвое больше, чем на обычные твердые удобрения.

К тому же общий объем раствора был значительно меньше.

Судя по аппетитам семени, ему требовалось гораздо больше питательных веществ, чем обычным растениям – утром А Янь удобрял его, а сейчас, не прошло и половины дня, как голос семени снова стал вялым, что означало острую нехватку ресурсов.

Обычные растения нужно удобрять раз в день, а духовному семени, возможно, потребуется подкормка три раза в сутки и даже чаще.

Во флаконе было двести миллилитров, одна подкормка – пять миллилитров, три раза в день, плюс два семени – значит, одного флакона хватит максимум на семь дней.

Более того, по мере роста семени питательных веществ потребуется еще больше, а почва, лишенная естественного плодородия, не сможет удовлетворить его запросы, поэтому удобрений понадобится еще больше.

Глядя на семя, которое с таким восторгом выкрикивало свои лозунги, Су Цы плотно поджал губы.

К сожалению, маленькое духовное семя еще не могло воспринимать внешний мир и, конечно, не знало о глубоких переживаниях Су Цы.

«Расти! Расти! Расти-расти-расти!»

«Расти! Расти! Расти-расти-расти!»

Оно продолжало бодро выкрикивать, и от одного этого звука казалось, что весь мир полон надежд.

Су Цы медленно выдохнул, решив окончательно разобраться с этим вопросом, когда закончатся текущие запасы удобрений.

Затем он взял А Яня за руку и вышел из общежития.

После вчерашнего кровавого дождя Су Цы не решался оставлять А Яня одного в приюте.

Малыш был слишком слаб, а из-за того, что он обрел способность к имитации состояний и стал воспринимать внешний мир, оставлять его без присмотра было слишком опасно. Лучше держать его при себе – так было гораздо надежнее.

Перед самым уходом Су Цы всё же полил раствором и те семена, что были в земле.

Это семя также издало возглас радости, еще более громкий, чем прежде.

Как раз когда А Янь подумал, что оно наконец-то начнет нормально расти, оно снова притихло и уснуло еще слаще...

«Хм, этот маленький лентяй, на него совершенно нельзя положиться!» – подумал мальчик.

Из-за последствий вчерашнего кровавого дождя, когда Су Цы вышел за ворота приюта, автоматическая сигнализация на входе выдала предупреждение:

[Концентрация загрязнителей в воздухе высока. Пожалуйста, строго соблюдайте принцип «без необходимости не выходить». В случае выхода обязательно используйте средства индивидуальной защиты].

Под этот механический звук Су Цы вышел за ворота и повел А Яня к остановке парящего автобуса.

За сутки работы база успела восстановить общий порядок, хотя некоторые разрушенные здания и дороги еще не были полностью отремонтированы.

Вскоре подошел парящий автобус.

Внутри было пусто, других пассажиров не оказалось.

Только сев в автобус, Су Цы вспомнил, что нужно связаться с Гу Цинчэнем. Он набрал его номер, и тот ответил довольно быстро.

– Воспитатель Су, я как раз собирался с вами связаться, – произнес Гу Цинчэнь. – Состояние Второго стабилизировалось, найдите время сегодня и заберите его из медицинского отдела.

Су Цы звонил вовсе не из-за детенышей, но, услышав это, просто кивнул и спросил:

- А что насчет Четвертого?

- Четвертый... - Гу Цинчэнь на мгновение помедлил. - Четвертому нужно еще понаблюдать. Как только его состояние окончательно стабилизируется, я сразу же свяжусь с вами.

- Понятно.

Су Цы кивнул и перешел к главному делу:

- Доктор Гу, вы знаете кого-нибудь из сада культивации?

- М? Зачем вам кто-то из сада культивации? - с искренним удивлением спросил Гу Цинчэнь.

Су Цы ответил прямо и честно:

- Хочу достать семена.

Духовные семена росли слишком тяжело, и он хотел попробовать, не будет ли с обычными семенами проще.

Земле нужна жизнь, и обычные растения тоже подойдут.

Гу Цинчэнь, услышав это, невольно дернул уголком рта. Он не ожидал, что воспитатель Су окажется настолько упрямым: после вчерашнего кровавого дождя у него еще хватает духу на подобные затеи.

Более того, он додумался пойти напрямик в сад культивации.

Однако, как единомышленник, видя такую настойчивость, Гу Цинчэнь словно увидел в нем себя прежнего, и его отношение к Су Цы стало чуть теплее.

Такое качество, как упорство, всё же заслуживает искреннего уважения.

– Знаю. Я как раз собирался в сад культивации, доберусь – помогу вам достать немного. Какие именно семена вам нужны?

Учитывая статус очистителя на базе №24, Гу Цинчэню не составило бы никакого труда попросить семена, тем более что он был хорошо знаком с персоналом сада.

Су Цы ответил:

– Я уже еду в сад культивации.

– Вот как... – Гу Цинчэнь был по-настоящему удивлен. – Ну хорошо, как приедете, подождите меня у входа, я скоро буду.

Договорившись, они завершили разговор.

А Янь послушно сидел рядом с Су Цы, тихо слушая их диалог.

Он вспомнил те семена в саду, которые не умели говорить. Значит, их тоже нужно посадить в землю? Но разве те семена не прорастают только в воде?

А Янь был в полном замешательстве, но, подумав, что это дело воспитателя, решил: эти семена обязательно прорастут!

Он болтал короткими ножками, чувствуя одновременно радость и легкое беспокойство.

С одной стороны – странное дело с духом книги, с другой... можно ли ему не изучать божественные письма, а просто бегать и играть?

А Янь повернул голову к воспитателю и увидел, что Су Цы закрыл глаза.

Мягкий свет в салоне падал под углом, словно всё сияние мира сосредоточилось на нем,



превращая проносящиеся за окном пейзажи в размытые, серые тени.

«Воспитатель такой красивый...» – А Янь заворуженно смотрел на эту картину и лишь спустя долгое время пришел в себя.

«Воспитатель спит?»

Тогда его ни в коем случае нельзя будить.

А Янь отвел взгляд, но не удержался, тайком снова посмотрел на Су Цы, затем тихонько придвинулся и наконец прижался к юноше.

Он осторожно наклонил голову и мягко прислонился к руке Су Цы.

Вдыхая теплый и приятный аромат воспитателя, чувствуя его близость, А Янь медленно выдохнул.

Он так сильно любил быть рядом с воспитателем, что беспокойство из-за того, что он не учился, мгновенно было забыто.

В конце концов...

В конце концов, это ведь воспитатель сам взял его с собой.

<http://bllate.org/book/18549/1811078>